

ИНСТИТУТ ОПЕКУНСТВА В ГОРОДАХ БЕЛАРУСИ В XVI – XVII ВВ. (НА ПРИМЕРЕ МОГИЛЕВА)

*Алексейчикова Н.Н. (г. Могилев,
УО «МГУ им. А.А. Кулешова»)*

В XVI – XVII вв. многие города Беларуси были наделены магдебургским правом, что оказывало значительно влияние на жизнь жителей городов, т.к. в таких городах наряду с общегосударственным законодательством действовало и «городское» право¹. Это обстоятельство определило не только специфику законодательства белорусских городов, но и оказало значительное влияние на матримониальное поведение горожан. Среди целого ряда вопросов, попавших в поле зрения составителей памятников городского права, огромное внимание уделяется проблеме несовершеннолетних детей-сирот. Это было связано с тем, что в рассматриваемое время очень часто несовершеннолетние дети становились сиротами. Так, только с июня по декабрь 1578 г. в суде Могилевского магистрата рассматривалось пять дел, касающихся несовершеннолетних детей, оставшихся без родителей [1, С.21,77,83-84,94,168]. В связи с чем, как общегосударственное, так и городское законодательство предусматривало назначение для них опекунов: *«Уставуем, абы по смерти родичов детям, лет не дорослым, шкоды и роспрошенья маетности их яко лежащих, так и рухomyх не было, с тое причыны таковыя дети, лет не дорослыя, мають быти под справою и опатрностью опекунов...»* [5, С. 224 – 225]; *«Если умрет человек и оставит детей, которые не достигли своих (взрослых) лет, то, <...> равный по рождению, должен стать их опекуном до их взрослых лет...»* должен быть назначен опекун [4]. Следует отметить, что к категории детей-сирот причислялись не только дети, потерявшие обоих родителей, но и дети, у которых умирал один из родителей. В случае смерти отца, ребенок не только становился сиротой, но и нуждался в опеке со стороны родственников-мужчин. Например, в 1570 году умер Карп Пашкевич, а опекуном его несовершеннолетнего сына, Яцко, был назначен дядя последнего: *«...преречоный Клишъко, будучи екуномъ помененого Іацка, братанишча...»* [3, С.5]. В данном деле Яцко именуется «сиротой-убогой» несмотря на то, что его родная мать была жива, хотя она и вышла повторно замуж: *«Федко Огапонович, отчим Іацка Карповича дитяти <...> до часу пришлого своего опатровати и опекуномъ его бытии мел, подвязываючися и*

¹ Следует, однако отметить, что жители белорусских городов, наделенных магдебургским правом, хотя и пользовались статьями «Саксонского зеркала» и «Вайхбильда магдебургии», однако, в рассматриваемое время жители городов Беларуси не знали первоисточников немецкого права, а пользовались сочинениями Бартоломея Гроицкого, изданные в Кракове в 1558 – 1567 гг. и Павла Щербина – во Львове в 1581 г. Эти издания были распространены на белорусских землях и адаптированы к местным правовым условиям [3; С. 158; 7, 8, С. 27 – 28].

у в он час, кгда тот Іацко до летъ зеполных придет...» [3, С.107-108]. Это было обусловлено 37 статьей «Вайхбильда магдебургии», где отмечается, что опекунами назначались только представители мужского пола по отцовской линии: *«Если умрет человек и оставит детей, которые не достигли своих (взрослых) лет, то, их ближайший (родственник) по мечу (с отцовской стороны), равный по рождению, должен стать их опекуном до их взрослых лет. Если же он (опекун) не может быть представителем по делам об их имуществе, то его помощником должен стать его ближайший (родственник) по мечу (с отцовской стороны) до их (детей) (взрослых) лет...»* [4]. Данная статья с одной стороны противоречит общегосударственному законодательству, т.к. ее составители отрицают право матери, или других ближайших родственников, быть опекунами ребенка, в то время как 3 артикул 6 раздела Статута 1588 г., хотя и отмечает преимущественное право опеки родственниками по мужской линии, отдает право опеки женщинам-родственницам при отсутствии родственников-мужчин [5, С.226]. В еще одном памятнике городского права – «Саксонском зеркале», - также имеется статья, позволяющая говорить, что в случае смерти одного из родителей, второй мог стать опекуном своих несовершеннолетних детей: *«Если дети после смерти матери остаются под опекой отца <...> То же самое должна сделать жена отца детей, если их отец умирает...»* [6, С.22]. Изучение актовых книг Могилевского магистрата свидетельствует о том, что в реальной жизни горожане отдавали предпочтение статье Статута, и следовали нормам «Саксонского зеркала». Так опекунами назначались как родственники-мужчины: *«учтивая Ульяна Процьковна, жалова(ла) <...> на учтливого Ходора Яроминича, яко опекуна небожчика мужа своего першого Клишька <...> Ходор Яронимич <...> поведил, иж дей я небожчика Клишчка брата своего »* [1, С.231]; так и женщины, прежде всего, матери: *«Ждан Мишкович <...> таковы тестамент учинил <...> которое дитя взял был себе за сына Яцъка, тое мает при жене его быть, яко пры матце своей мешкати, кдыж ее властное дитя, которы кды доростет лет, мает его matka дать на науку якогж колъвек ремесъла. А иж жона его бременъна была на тотъ ч(а)сь, тогды тот потомокъ, которого панъ Б(о)гъ дат рачил, якогж колвекъ пл(о)цы мужчкой, албо невейцей, мает matka о нимъ старанье метъ, яко о дитяти своем...»* [1, С. 83-84].

В XVI – XVII вв. немало внимания уделялось и вопросам взаимоотношений между опекаемыми и их опекунами. Прежде всего, законодательство регулировало их имущественные взаимоотношения, поскольку опекуны «управляли» всем имуществом своих подопечных до их совершеннолетия: *«Семен Микитич, мещанин и рыболовъ места Могилевского <...> Которым детемъ своимъ вышь преречонымъ (А.Н. – Опанас, Ивашко, Ходося и Улита) установилъ и назначыл опекуном зятя своег(о) Пашка Сопроновича, маючы то о немъ уфане доброе, же вси долги помененые справит мает и волю его остаточную выполнит, а особливе о детях ег(о) процу и старанье мети мает, абы были выховани в боязни Божой и в твиченю добром...»* [1, С.566-567]. Как видим, опекун также

обязан был возместить долги усопшего родителя подопечных, чего не могли сделать наследники в силу своего возраста². Кроме того, еще одной обязанностью опекунов являлась забота о воспитании подопечных, а также их содержание. Недобросовестное исполнение обязанностей опекуна в этом отношении приводило к вмешательству со стороны городских властей дабы призвать последнего к исполнению своих прямых обязанностей. Так 29 апреля 1579г. «Уляна Процьковна, жалова(ла) через отца своего Процька на учтывого Ходора Яромича, яко опекуна небожчика мужа своег(о) першого Клишъка, о томъ, иж онъ Ходор, опекунъ детей небожчиковских, скоро по смерти мужа дей моего Клишка на должниках ведлуг тестаменту небожчиковского грши выплативши, у себе держит, а яко будучи опекуномъ детемъ небожчиковскимъ по небожчику позostalым Никипору а Селивону, на выховане ничог(о) не дает <...> А уряд сказал, абы у субботу пришло лавники тамъ до дому шотши и пораховане о вси речи, яко у дому и всю маетность небожчиковскую пораховане межи ними учинили» [1, С.231]. С целью защиты имущества несовершеннолетних детей, опекуны должны были ежегодно отчитываться перед подопечными об опекаемом ими имуществе: «И из года в год (опе(опекун) должен давать им отчет об имуществе, которое они имеют для повседневных (нужд) до тех пор, пока он может отстаивать права на их имущество» [4]. В отличие от других родственников, или опекунов, назначаемых органами власти, родители не отчитывались подобным образом перед своими детьми. Однако, когда дети достигали совершеннолетия, они должны были также, как и все остальные опекуны передать им все имущество сполна: «Если дети после смерти матери остаются под опекой отца и затем от него отделяются, то он должен им сохранить и вернуть все имущество их матери, разве только он потерял это имущество вследствие несчастной случайности и без его вины. То же самое должна сделать жена отца детей, если их отец умирает...» [6, С.22].

Большое значение в этом отношении играли составленные реестры, которые содержали в себе перечень всего несовершеннолетних детей. Данные реестры передавались опекунам от душеприказчика, если смерть настигала человека в дороге: «Артем Кириллович покладал духовницу небожчика Якова Тейнина, который, за допущением Божьим, будучи в дорозе <...> умер, и тамъ волю свою остаточную духовницею распоравил, которая духовница от того Артема покладана была перед нами...», к завещанию также прилагался реестр имущества: «Нижли тот Артемъ Кондратовичъ покладал реестръскоро по смерти небожчыка Якова, на што се дал, чого всего учынило коп три безъ полтера гроша и то яко мы з уряду за слушне приняли <...>А учтивая Пекла позostalая жена небожчыка Якова,будучы пытана од уряду, если ей по достатку водлуг духовницы мужа

² Согласно городскому законодательству, наследники должны возмещать долги из полученного наследства: «Кто принимает наследство, тот должен по закону платить долги в пределах стоимости движимого имущества...» [6, С.19].

ее и узнанья урядовог(о) што на не(е) приходило сполно дошло, што Пекла Яковлевна перед урядомъ то вызнала, иж все справедливее поделено» [1, С. 487]. В последствии на основании таких реестров происходила передача наследства, по достижении подопечными совершеннолетия от их опекунов: «На владу войтовства Могилевскаго Окула Осипович приніа того дня присегу претивко Федору Осиповичу <...> опекуну тестаменту маетности и детей небожчицы Параски Опанасовое, позасталой пред тымъ вдовы іако осми копъ на тестаменте от небожчыцы помененыхъ детей ей на тотъ часть по ней позосталыхъ невинень и кгда рокъ присезе прынять аз Окула Осиповичъ с поводовою стороною ставшы ку присезе был готов, нижли сторона поводовая бачечы на его убозство а ижъ лютость маючы надъ нимъ шесть копъ грошей ему опустила, а вгоду на двухъ копахъ прынела, которые Окула Осипович з сказанія владового заплатити и отдати подвезал, што себе они дали и до книгъ записати з обудву сторонь...» [3, С. 15-16]. В данном случае опекаемые сами приняли решение не взыскивать с опекуна недостающее имущество.

Таким образом, в рассматриваемое время в Беларуси институт опекунства был хорошо развит. К числу опекаемых относились несовершеннолетние дети, оставшиеся как без обоих родителей, без одного из них, чаще без отца. Законодательство защищало права опекаемых, регламентировало их взаимоотношений с опекунами. Специфику института опекунства в городах, наделенных магдебургским правом, определило действие здесь как общегосударственного и городского права одновременно.

Литература:

1. Акты издаваемые Виленскою комиссіею для разбора древних актов: в 39 т. – Вильна: Типограф. Губ. правл., 1865 – 1915. – Т. 39: Акты Могилевскаго магистрата XVI в. (1578 – 1580). – 1915. – 664 с.
2. Дзербіна, Г. Права і сям'я ў Балерусі эпохі Рэнэсансу / Г. Дзербіна. – Мінск: Тэхналогія, 1997. – 175 с.
3. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 30: Акты, извлеч. исключительно из книг бывших присутственных мест Могилев. губ. за 1592 – 1796 гг. / под ред. Д.И. Довгялло. – 1903. – 360, 164 с.
4. Право, посланное (сообщенное) шеффенами Магдебурга городу Гёрлицу в 1304 году // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / пер. Л. П. Галанзы, Л. И. Дембо. – М.: Гос. изд. юр. лит., 1961. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/XIV/Magdeburg_recht/text.htm. – Дата доступа: 08.01.2007.
5. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарыі / пад рэд. І.П. Шамякіна [і інш.]. – Мн.: Бел.сав.энцыкл. імя П. Броўкі, 1989. – 573 с.

6. Эйке из Репкова Саксонское зеркало. В 3-х ч. Ч. 1: Земское право. Кн. 1. / пер. Л. И. Дембо. – М.: Наука, 1985. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/XIII/Sachsenspiegel/ frametext1.htm>. – Дата доступа: 08.01.2007
7. Юргинис, Ю.М. Судьба магдебургского права в литовских городах / Ю.М. Юргинис // История СССР. – 1975. – № 4. – С. 145–155.
8. Юхо, I. Крыніцы беларуска-літоўскага права / I. Юхо. – Мінск: Беларусь, 1991. – 238 с.

Электронная библиотека
Белорусско-Российского университета